

О. С. БУЛГАКОВЪ

Я не беру для себя никакой нарочитой темы, а хочу сказать лишь нѣсколько словъ, чтобы выразить впечатлѣніе отъ слышанныхъ нынѣ рѣчей.

Для меня является, конечно, очевиднымъ, что Церковь стоитъ теперь передъ социальными задачами и не можетъ пройти мимо нихъ и, кажется, начинаетъ уже не проходить. Мнѣ хочется назвать только одинъ общеизвѣстный фактъ — это Стокгольмское движеніе, которое обнимаетъ въ себѣ всѣ христіанскія вѣроисповѣданія (кроме католическаго). Мнѣ хочется сейчасъ, однако-же говорить не объ этомъ, а объ одномъ затронутомъ фактѣ, о томъ, что Церковь въ исторіи отставала отъ социальной дѣйствительности и съ другой стороны, что она выявляла въ себѣ тенденцію консервативную, которая становилась иногда и прямо реакціонной. Почему это такъ, въ чемъ причина этого историческаго факта? Конечно, самое простое разъяснить его такъ, какъ онъ разъясняется въ литературѣ безбожниковъ, т. е. изъ классовыхъ интересовъ. Такъ какъ я предполагаю, что изъ здѣсь присутствующихъ никто не будетъ пользоваться такимъ объясненіемъ въ исключительной степени, то надо спросить себя, какимъ образомъ это внутренне связано съ Церковью?

Когда мы говоримъ о Церкви, то обычно неясность и многозначительность этого понятія позволяютъ видѣть въ немъ то земное іерархическое представительство Церкви, то распространять его на все церковное общество и въ такомъ

случаѣ всѣ обвиненія становятся самообвиненіями. Но можно вообще говорить о духѣ Церкви, о природѣ ея, какъ она проявляется въ ея соціальномъ творчествѣ. Дѣйствительно, Церковь отставала отъ жизни и отставала не случайно, а по нѣкоторымъ причинамъ, которыя внутри ея заложены. Какія это причины? Заключаются ли онѣ въ томъ, что эта тенденція соотвѣтствуетъ самому ученію Церкви, самой ея природѣ, или же онѣ представляютъ собой лишь вторичное выявленіе одной изъ сторонъ жизни Церковной? Несомнѣнно последнее. Въ отношеніи Церкви существуютъ два противоположныхъ пониманія. Одно выражается въ томъ, что міръ, исторія, для вѣчности не существуютъ, не заслуживаютъ вниманія, самое лучшее, чтобы они были незамѣчаемы. Это была позиція Церкви не только во времена ея связи съ государствомъ, но и перво-христіанской. Перво-христіанская церковь не замѣчала государства, какъ и не хотѣла замѣчать соціального вопроса. Апостоль Павелъ увѣщевалъ обращенныхъ христіанъ, преимущественно изъ низшихъ классовъ общества — «каждый оставайся въ томъ званіи, въ которомъ призванъ». И вообще если собрать тексты ап. посланій и соотвѣтствующія имъ дѣйствія, то, конечно, Церковь окажется консервативною въ отношеніи соціального строя, именно въ ту эпоху, когда христіане ожидали пришествія Христа, вѣрили, что оно совершится въ самомъ скоромъ времени. Это отношеніе исходитъ изъ побѣднаго чувства вѣчности, превозмогающаго надъ временемъ, и это чувство побѣды вѣчности надъ временемъ настолько существенно для христіанства, что если бы его потеряла Церковь, она, конечно, перестала бы быть сама собой.

Мы спрашиваемъ себя часто, почему Церковь, съ ея духовными благодатными силами, Тѣло Христово, — почему она отстаётъ отъ со-

ціальної життя, а не ідеє впереди? Почему она не стоить на передовыхъ постахъ въ соціальному вопросу? Это вытекаетъ прежде всего изъ того общаго факта, что жизнь этого міра обусловлена не только творческимъ сознаниемъ, но она совершается и органически, стихійно и безсознательно. Есть христіанская легенда относительно того, что когда на Голгоѣ былъ распятъ Христосъ, то прозвучало въ природѣ: «Умеръ Великій Панъ». Это означало, что умерли тѣ индиферентныя природныя силы, которыя не имѣли для себя религіознаго коэффиціента. Умеръ великій панъ - природа въ качествѣ божества, но она не утратила въ качествѣ природной силы мірового роста «ветхаго Адама», подобно тому какъ наше тѣло и даже душа возрастаютъ помимо нашей воли, такъ возникаютъ въ мірѣ и новыя соціальныя образования. И вотъ эти новыя образования выступаютъ сначала какъ бы еще дохристіанскія, или религіозно-нейтральныя, но уже потенціально-языческія образования. Эти образования въ апокалипсисѣ обозначаются именемъ звѣря. Они, какъ и все послѣ Христа и какъ вообще всѣ духовныя силы, не могутъ оставаться религіозно индиферентными. Они оказываются не только звѣремъ, но и лжепророкомъ, и тогда возникаютъ тѣ болѣзненныя и извращенныя ассоціаціи, въ силу которыхъ символика труда противопоставляетъ себѣ символикѣ креста, вмѣсто того, чтобы осѣнятись имъ. И въ настоящее время Церковь застигнута тѣмъ, что изъ бездны, — въ смыслѣ этой природной стихіи, вышелъ соціальныи звѣрь и рядомъ съ нимъ соціальныи лже-пророкъ, который говоритъ его устами, и люди Церкви растерянно стоятъ передъ этимъ новымъ явлениемъ.

Есть, конечно, возможность, — и это есть въ извѣстномъ смыслѣ *широкій* путь — самообороны, — именно борьба съ лже-пророкомъ за истин-

ное пророчество. Это есть путь, отъ котораго Церковь никогда не можетъ отказаться, потому что это означало бы, что Церковь сама упразднила бы то, ради чего стоитъ жить — именно вѣру въ Бога. Иной *вѣры* на самомъ дѣлѣ быть и не можетъ, ибо всякая иная «вѣра» не достойна называться этимъ высокимъ именемъ. Но эта позиція одной самообороны недостаточна для самого христіанства, потому что христіанская Церковь должна бороться со лже-пророчествомъ не только отрицательно, но и положительно. Вся христіанская догматика свидѣтельствуесть о томъ фактѣ, что христіанскіе догматы вызываються къ формулировкѣ тѣми или другими еретическими ученіями, подобныя же имѣются въ настоящее время въ области соціальной жизни. Соціальная жизнь, поскольку она опредѣляется безбожіемъ, есть не только догматическая борьба съ религіей, но вмѣстѣ съ тѣмъ и извѣстная ересь, именно ересь жизни. Ее недостаточно отвергнуть и назвать своимъ именемъ, но она должна быть положительно преодолѣна, какъ въ ученіи, такъ и въ жизни. Въ этомъ смыслѣ то, что въ современномъ христіанствѣ происходитъ, свидѣтельствуесть, что наступаетъ какой-то близящійся часъ отвѣта Церкви для побѣды надъ ересью. И этотъ отвѣтъ есть не только идеологическій, онъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и фактъ историческаго и даже космическаго значенія, какъ вообще все, что совершается въ Церкви. Церковь имѣеть въ себѣ не только божественныя силы, но и достаточныя догматическія основанія для того, чтобы вмѣстить въ свое ученіе отвѣты на тѣ вопросы, которые возникаютъ въ современной соціальной жизни. Церковь имѣеть идею Царства Божія, которое хотя осуществится за предѣлами этого міра, но совершается на землѣ. Не нужно думать, что первородный грѣхъ совершенно лишаетъ человѣка той благодатной силы,

которую даетъ Церковь. Что же побѣднѣе, — церковная благодать или первородный грѣхъ? Кто сильнѣе — Христосъ или антихристъ? И если мы такимъ образомъ поставимъ вопросъ, то это не заставляетъ насъ постулировать новое наступленіе Царства Божія на землѣ, но мы необходимо должны вмѣстить въ свое пониманіе исторіи полное раскрытіе всемірно-исторической трагедіи, безъ чего не можемъ совершиться и дѣйствительное приближеніе конца исторіи, — Церковь должна явить себя въ мірѣ въ силѣ и правдѣ своей.

Нерѣдко въ настоящее время противопоставляютъ апокалипсисъ и эсхатологію. Но апокалипсисъ включаетъ въ себѣ не только ученіе о томъ, что будетъ въ концѣ, но и о самомъ пути исторіи, который къ этому концу ведетъ. Христіанская эсхатологія соединяетъ въ себѣ не только сознаніе всегда близкой вѣчности за предѣлами жизни этого міра, но и вмѣстѣ съ тѣмъ и совершающееся во времени, въ исторіи апокалипсисъ, какъ путь къ этой вѣчности, со всею его необходимостью и значительностью. Апокалипсисъ ведетъ къ эсхатологіи, но эсхатологія не отрицаетъ апокалипсисъ. Апокалипсисъ есть откровеніе Бога въ исторіи, откровенія вѣчности совершаются въ исторіи, о немъ возвѣщаетъ христіанское пророчество... И наше время имѣетъ свои вопрошанія, ищетъ своего пророчества, и однимъ изъ этихъ вопрошеній является то, что условно теперь зовется *соціальный вопросъ*.